

ЖЗК и свое (трил. к. «Сов. культура») — 1990. — Ноябрь (№ 41) — с. 16

Ее последний концерт в Большом зале Консерватории знаменовал собой окончание целой эпохи. Ничто не восполнит пустоты, образующейся после ухода со сцены. Казалось бы, она может петь еще и еще. Но она ушла, оставив нам легенду, незабываемые впечатления, загадку.

ЧТО ТАМ СВЕТИТСЯ?

КАК-ТО на Конкурсе Чайковского, после одного из скучных прослушиваний, я спросила Зару Долуханову, что такое талант. Зара Александровна ответила: «Это огонь, брошенный с неба. Либо он есть, либо его нет». Еще тогда я подумала о том, что сама Долуханова — лучший пример своим словам.

Встретив ее недавно, я, как всегда про себя, отметила: красивая, живая, прямо светится изнутри.

— Приходите, у меня есть что показать, — сказала Зара Александровна, — я теперь занимаюсь живописью. Весь дом заставлен моими работами. Огонь, тот самый огонь!

И вот я на ее дачном вернисаже. Солнечный день отбрасывает блики на яркие небольшие полотна, которыми действительно увешаны все стены. «Незабудки». «Лесной пейзаж». «Подражание Сарьяну».

— Почему все это для меня так важно? — рассказывает Зара Александровна. — В этом — моя тоска по выступлениям. Своего рода самовыражение. Казалось бы, я могла реализовать свои силы в педагогике, но не получается. Здесь у меня постоянное ощущение неудовлетворенности, бессилия. Молодые певцы, которые у меня учатся, да и не только у меня, мало занимаются, у них репертуар невероятно ограничен. Я вижу, что студенты заняты многими другими вещами, очень медленно учат, устают. Вырастить совершенного музыканта, готового к полноценной, яркой концертной деятельности, я не могу. Это приносит мне огорчения и неудовлетворенность. А здесь я отвечаю сама за себя. У меня нет никаких претензий, амбиций где-то это показывать. Тем более что это так поздно ко мне пришло. Но я не скрою, мне приятно — я ведь привыкла к комплиментам.

Некоторые мои знакомые говорили мне, что идут смотреть мои работы с опаской: вдруг это окажется настолько плохо, что вынужденные слова похвалы будут звучать фальшиво. Конечно, никто от меня ничего не ждет. Но когда видят мои работы, я замечала, просветляются лица,

ДУША

мне говорят какие-то удивительно теплые слова. Я тут же дарю.

Портреты я не освоила — здесь нужно знать много законов, я еще не готова к этому. Предпочитаю писать натюрморты, цветы, абстрактные сочетания красок с намеками на сюжет. Иногда сама даже не знаю, что изображено, — пишу интуитивно, образ иной раз приходит стихийно.

Знаете, раньше я тоже любила пейзажи, природу. Но сейчас восприятие так обострилось, что даже просто какая-то былинка, поворот дороги, закат — отпечатываются в памяти, возникает желание все это воспроизвести.

Очень нравится техника письма по алюминию, увлекает создание композиций из ниток.

Я человек увлекающийся, но обычно увлечение быстро проходит. А тут вот задержалось на два года. Думаю, что специальность моя оказала влияние на то, как я пишу. Люблю камерность, маленькие картины, когда ограниченными средствами нужно отразить то, что чувствуешь.

Сделала несколько копий, и мне это тоже очень понравилось. Мой муж, который меня так поддерживал в первый момент моего увлечения, теперь относится к моим работам строго. Он сам прекрасно рисует, ведь он архитектор и это дело знает. Но я ему не даю писать — красок осталось мало, а достать их трудно.

Вообще живописью занялась совершенно случайно. Мы были здесь вот, на даче. Муж пошел мыть машину, а я не знала, что буду делать. Увидела мольберт и краски. Решила: «Напишу картину».

Я увлеклась невероятно. Иной раз писала с семи утра до позднего вечера. Так началось мое стихийное увлечение. Я не знала никаких правил, многое постигала интуитивно. Знаете, это совсем другое восприятие мира — через краски, цвета, линии. Совершенно отличается от звукового восприятия.

В этом занятии — пища для моей души.

Вера КОЛОСОВА.